

Глава 1

*Чем больше из нее берут, тем больше она становится.
Что это такое?*

Кислый вкус липкой крови во рту.

— Вам нельзя здесь находиться, сэр, — говорит сотрудница ФБР, загораживая дверной проем. — Отойдите.

Держа во рту палец, я выгрызаю еще один кусочек ногтя.

— Я работаю на вас, — объясняю я свое присутствие, — гражданским консультантом.

Женщина осматривает мои кеды из «Уолмарта», джинсы в пятнах и рваный свитер.

— У вас есть удостоверение? — спрашивает она.

Я оставил документы дома в надежде встретить на входе знакомого агента: в этом районе можно получить пулю, просто произнеся вслух слово «коп».

На стенах здания зеленые разводы от не отмытых как следует граффити. Почтовый ящик разгромлен бейсбольной битой. Койволк — так называют помесь койота с волком, — прихрамывая, наворачивает круги вокруг опрокинутых мусорных баков. Его изуродованная лапа, должно быть, попала где-то в капкан.

Неподалеку посасывают дешевое пиво белые подростки в толстовках с капюшонами. Ухмыляясь, как тыква на Хэллоуин, один из них сминает пустую банку и швыряет ее в койволка, тот неуклюже отскакивает назад. Пацаны гогочут, но держатся на расстоянии. Зверюга ковыляет восвояси, протискиваясь между двух покосившихся заграждений.

Изнутри дома слышны шаги, выкрики. Нужно попасть внутрь.

— Да ладно вам, — легко отмахиваюсь рукой. — Региональное управление...

— Если у вас нет удостоверения, — отвечает агент, — вам следует уйти.

— Мне звонил шеф Регионального управления.

Несколько прядей волос выбиваются из-под ее фуражки и падают на глаза. Она намеренно их игнорирует. Чернокожая, одного со мной роста — чуть выше метра семидесяти, — ни макияжа, ни обручального кольца. Строгая и неулыбчивая, она по-своему красива. На бейджке: «Агент Р. Тисл. Региональное управление Хьюстона».

— Как его зовут? — спрашивает она и уточняет: — Шефа Регионального управления.

— Питер Лужин, — говорю как само собой разумеющееся.

Она снова осматривает меня с ног до головы, оценивая еще раз.

— Номер его социального страхования тоже назвать? — предлагаю.

— Вам не положено знать номер социального страхования начальника.

Не положено, но я знаю. После того как вломился к нему домой и нашел номер на квитанции за воду. Хитрость, помогающая запоминать длинные числа, состоит в том, чтобы перевести каждую цифру в согласную, потом добавить гласные и таким образом получить слова, складывающиеся в запоминающийся образ. Номер социального страхования начальника — 678 372 7936 — превращается в ЛЗВ КСТ ЗРКЛ. Я запомнил его, представляя, как Лужин бреет щеки лезвием опасной бритвы, пока не сбривает всю плоть с костей, после чего смотрит на результат своей работы в зеркале.

— Я пошутил, — заверяю я сотрудницу ФБР.

С одним пальцем покончено, на нем не осталось ни отросшего ногтя, ни свободной кожи, перехожу к большому. Вредная привычка, вечно изуродованные руки, испорченные зубы и рот, полный грязи и бактерий. Но я не могу остановиться.

На верхней ступеньке лестницы появляется другой агент. Белый, худой, курильщик, уши со следами старых изломов, типичных для борцов и боксеров. Левая сторона пиджака

выцвела от езды за рулем на техасском солнце. У него нет бейджа, но я встречал его раньше. Его имя — Гэри Ручиани, но коллеги прозвали его Папой из-за итальянского происхождения.

— Эй, Папа, — окликаю я его, — впусти меня.

Женщина выступает вперед, чтобы закрыть мне обзор.

— Сэр...

— А, это ты, — говорит Ручиани, спускаясь. Не всегда полезно быть запоминающимся.

— Коллинз и Ричмонд в спальне наверху, — сообщает он мне. А повернувшись к Тисл, бросает: — Пропусти его. Видно, Лужин совсем отчаялся.

Протискиваясь, я слышу слабый аромат духов Тисл. Она вся сжимается. Есть греческий миф о парне, который хотел жениться на принцессе Спарты, но из-за раны и заражения ноги начал вонять и был отослан на остров. В один прекрасный день армии пришлось вернуться за ним, когда стало ясно, что без его отравленных стрел им не обойтись. Он помог выиграть войну, вместе с остальными забравшись в деревянного коня, но все вокруг продолжали его ненавидеть. То, как Ручиани избегает моего взгляда, заставляет меня чувствовать себя тем парнем.

Под скрип половиц я вхожу на кухню, мимо накренившейся башни из грязной посуды. Освальд Коллинз пропал восемь дней тому назад. Его жена, Билли, судя по всему, не занималась уборкой с тех самых пор. В холодильнике три початые буханки магазинного хлеба и два открытых пакета молока. На этих пакетах больше не печатают фотографии пропавших детей, но не потому, что дети перестали пропадать. Если бы перестали, я бы остался без работы.

В обрывке смятой фольги остались пять небольших сосисок. Съедаю одну, остальные прячу в карман на потом. Дверь в спальню открыта. Билли Коллинз сидит на голом матрасе, держась руками за голову. На корнях волос появилась седина, голые ноги покрыты гусиной кожей, шорты готовы вот-вот разойтись по швам. Ее мать пропала тогда же, когда и муж. Агент Ричмонд поднимает глаза, когда

я вхожу. В одной его руке ложка-вилка, в другой — упаковка лапши, почти пустая. Небритый подбородок заляпан остатками супа.

— Блейк, — вопрошает он, — где ты был?

Я гражданский и не могу быть на месте преступления или говорить со свидетелями без надзора. Ричмонд — моя нянька. К счастью, он ленив и не знает меня так хорошо, как думает.

— Агент Тисл не пускала меня, — отвечаю. — А ты где пропал?

Толстой рукой он делает жест в сторону Билли, та вздрагивает и обеспокоенно смотрит на меня. Ричмонд хочет, чтобы мы оба считали, что он торчит здесь для ее блага, но «благо» — совсем не то слово. Он подозревает, что Освальд Коллинз мертв, и надеется поймать Билли на горячем.

— Миссис Коллинз, я Тимоти Блейк. Мы встречались на прошлой неделе.

Она кивает. Ее красные от слез глаза сосредоточенно глядят мне в рот.

— У вас там кровь, — замечает Билли.

А, кровь после обкусанного ногтя. Облизываю губы.

— Я ищу вашего мужа и маму шесть дней. Нет никаких следов, — делаю вводное сообщение.

Она не выглядит удивленной.

— Уорнер не хотел бы, чтобы их нашли, — роняет.

Освальд Коллинз — пьяница, имеющий привычку играть на чужие деньги и проигрывать. Одолжил восемь тысяч у Чарли Уорнера, заправила преступного мира Хьюстона, и по-простецки исчез.

Билли говорит так, будто Освальд умер, но язык ее тела свидетельствует об обратном. Горе и облегчение одновременно ослабили ее шею и опустили плечи. Однако Билли сидит напряженно, ухватившись за матрас и сжавшись, словно перед падением самолета.

Она чего-то боится.

— Уорнер как раз хочет, чтобы его нашли, — отвечаю я. — С отрубленной головой или выколотыми глазами. Как

послание, мол, вот что случается с людьми, которые не платят мне своих долгов.

Ричмонд морщится: копов учат быть помягче с членами семей жертв. Но я не коп.

— Скорее, Освальд мог сбежать, — размышляю я вслух. — Но тогда пропала бы его машина. Или осталась бы информация о покупке им билета из города. Даже если бы он платил наличными, то попал бы на видео с камер наблюдения на вокзале.

Всегда есть способы обойти системы слежения, но Освальд не мог их знать.

— Это дело рук Уорнера, — повторяет Билли уже громче.

— Я говорил с охраной Уорнера, — качаю головой. — Они хотят найти Освальда так же сильно, как и вы. На самом деле даже сильнее.

— Эй, осторожнее. — Ричмонд поднимает ладони в оставивающем жесте. — Мистер Блейк хочет сказать, что...

— Они лгут, — продолжает настаивать Билли.

— Нет, эм. Я знаю, когда мне лгут.

Пристально смотрю на нее, пока она не отводит глаза.

— Бандиты не похищают того, кто им должен. Его теща им тоже без надобности. Забирают ребенка или жену.

— Вы хотите сказать, я в опасности?

— А ваш муж склонен к насилию?

— Нет. — Билли ерзает на матрасе. — Нет, конечно же нет.

Даже если бы я не видел, как она подалась назад, когда Ричмонд поднял руку, я все равно знал бы, что она говорит неправду: у Освальда Коллинза судимости за нападение с отягчающими обстоятельствами и вооруженный разбой.

— Но он не из тех, кто склонен планировать наперед, верно? — Легкий нажим. Она ничего не отвечает. Тогда я продолжаю: — Он из тех, кто поставит на кон всю зарплату, проиграет и займет еще больше, чтобы покрыть убытки. Он из тех, кто начнет новую буханку хлеба, когда еще не закончилась старая, и не выбросит ее. Он не станет мыть грязную посуду даже тогда, когда ему нужно скрыть свое присутствие.

Уже понятно, к чему я клоню, верно?

— Я хочу, чтобы вы ушли, — произносит Билли так, словно ее колотит. Бьюсь об заклад, она сейчас взмолилась к Богу.

Ричмонд пялится на меня, недоумевающая, зачем я иду на конфликт.

— Почему же? — задаю наводящий вопрос.

— Потому что вы не сможете найти его, сидя здесь и болтая! — шипит она.

Произнося «найти его», она делает движение в сторону двери своей спальни. Это подсознательный жест, не намеренный. Желание, чтобы я убрался, заняло все уровни ее сознания.

— Вообще-то, — не соглашаюсь я, — думаю, что смогу. Она резко поднимается:

— Убирайтесь!

— Никто не похищал вашего мужа. Он скрывается, пока не закончится суд над Чарли Уорнером. Когда он сказал вам заявить о его пропаже, вы назвали его план тупым. Тогда он пригрозил убить вашу маму, если откажетесь. Сколько раз с тех пор он приходил к вам? Два? Три? Он ночует здесь?

— Вот черт! — говорит Ричмонд. Ложка-вилка выпадает у него из рук.

— Я не говорила этого! — взвизгивает Билли, как турбина авиалайнера. — Я ничего такого не говорила!

— Но, если бы сказали, все это закончилось бы прямо сейчас, — предлагаю.

Тут замечаю, что снова грызу большой палец, и засовываю руки в карманы.

— Послушайте, он не станет убивать вашу маму. Как только он это сделает, у него не останется рычагов давления. Поэтому просто скажите где...

Билли Коллинз смотрит через мое плечо, в ее глазах — ужас.

— Сука ты проклятая! — рычит сдавленный голос за спиной.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть в лицо, смотревшее на меня с полицейских ориентировок всю последнюю

неделю. Освальд Коллинз похож на кальмара: широко посаженные глаза, плоский нос, линия волос заметно отступила со времен последнего ареста. Он направляет выдавшую виды «Беретту-3032-Томкэт» в грудь своей жены.

Перед ним стоит старуха. Освальд держит ее за ворот фланелевой пижамы. От нее исходит такой запах, как в одном из тех частных приютов для беспризорных детей, где я вырос. У женщины влажные глаза, но в них видна готовность действовать в любой момент. Это Мэри-Сью Макгиннес — мать Билли.

— Ты им сказала! — Освальд шипит на Билли.

— Я не говорила!

— Тихо! — вмешивается Ричмонд. — Успокойтесь все.

— Завали е...о, — затыкает его Освальд.

Его пистолет не предназначен для точной стрельбы, но нас в этой тесной комнате пятеро, так что Освальд в кого-нибудь да попадет точно. Патронник закрыт, а это значит, что пистолет заряжен как минимум одним патроном 32-го калибра.

— Ты же слышал, я не говорила ничего! — вопит Билли на измене.

Я поднимаю руки и становлюсь между ними, закрывая собой пистолет. Старуха свирепо смотрит на меня. Ее грудная клетка движется быстро и бесшумно.

— Слушай, придурок, — обращается ко мне Освальд, — не лезь не в свое дело.

— Четыре против одного, — говорю я ему. — А за дверью еще больше агентов ФБР. Все кончено. Нужно быть идиотом, чтобы не опустить пистолет прямо сейчас.

На его шее пульсирует вена. Он знает, что из этой комнаты у него есть два пути: в наручниках или в мешке для трупа. Но ему уже приходилось бывать в тexasской тюрьме, так что он не уверен, какой из них хуже.

— Все в порядке. — Сердце выскакивает из моей груди, но я продолжаю говорить спокойно. Я аккуратно киваю в надежде, что он тоже ответит мне кивком. — Мы можем заключить сделку. Просто опусти оружие, и мы поговорим. О'кей?

Палец Освальда на курке немного расслабляется. Рука начинает опускаться.

Тут Ричмонд сдуру выхватывает свой SIG¹, прицеливается и кричит: «Брось!»

И Освальд стреляет в него.

В комнате становится шумно, Ричмонд со свистящим звуком опускается на пол, как будто его пнули в живот. SIG падает на пол, Освальд наступает на него, чтобы помешать Ричмонду повторить попытку.

Он мог бы этого и не делать. Лицо Ричмонда делается фиолетовым. На нем кевларовый жилет, но пуля могла сломать ребро. Он не может вдохнуть.

Освальд выкрикивает что-то, но я не могу разобрать, в ушах звенит слишком громко. Из его рта летят брызги слюны, похожие на паутину.

Вырвавшаяся из его рук Макгиннес застыла горгульей в углу комнаты, готовая отскочить, если пистолет двинется в ее сторону. Но Освальд целится в жену. Кажется, ему все равно, что я все еще стою у него на пути. Ударник начинает подниматься по мере того, как его палец все сильнее сжимается на спусковом крючке.

Я смотрю на дверь через его плечо и кричу: «Стреляй!»

Освальд поворачивает голову, ожидая увидеть другого агента ФБР. Купился! Я бросаюсь на него, одной рукой вцепившись в горло, а другой хватаясь за пистолет. Он отшатывается, свободной рукой тянется к шее, обдирая на моем локте кожу, силится направить пушку мне в плечо, а я переворачиваю ее дулом вверх и нажимаю на его палец на курке, пока пистолет не делает *одну, две, три* дырки в потолке и не щелкает вхолостую.

Шум в моих ушах вместе с неизвестно откуда взявшейся в них жидкостью превращается в некое месиво, и комната накреняется. Я по-прежнему держу Освальда, и моя рука все еще сжимает его шею. Освальд издает булькающий

---

¹ SIG Sauer P226 — пистолет, выпускающийся одноименной швейцарско-немецкой компанией. Разработан в 1981 году в качестве оружия для вооруженных сил США. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)